

ТАТАРЫ-МУСУЛЬМАНЕ И СЛУХИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ГЕНДЕРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Ключевые слова: татарская литература, история повседневности, мусульмане России, Первая мировая война, панисламизм, Казанская губерния, политический сыск, жандармские управления.

Аннотация: Объектом исследования выступают слухи как особое явление татарской повседневной жизни начала XX века, оказавшее влияние на общественно-политическую ситуацию в стране. Цель исследования — изучение феномена слухов в татарской повседневности накануне и в период Первой мировой войны в материалах губернских жандармских управлений. В статье представлен обзор понятий и образов об информации разного происхождения в татарском языке, их отражение в татарской литературе и публицистике, анализируется роль информантов жандармских органов власти после событий 1905-1907 годов, а также сюжет о специфических слухах среди татар-мусульман в годы Первой мировой войны. Они получили в документах политического сыска условное название «письма из Мекки» из-за религиозного характера. Эти слухи были инициированы германской Службой информации по Востоку для дестабилизации обстановки в странах Антанты. Автор делает вывод о том, что внешними силами был переоценен религиозный фанатизм татар-мусульман и не учтена роль татарских газет. Кроме того, в татарской культуре начала XX в. слухи, наряду с негативной коннотацией и гендерной стереотипизацией (сплетницы-женщины), имели конкретную привязку к межличностным конфликтам мужчин на фоне общественно-политических жандармских дел о «панисламизме».

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Татары-мусульмане и слухи во время Первой мировой войны: между гендерным и религиозными стереотипами // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. № 32. Москва: ИВИ РАН, 2024. С. 160-197. DOI: 10.32608/2307-8383-2024-32-160-197

L. R. Gabdrāfikova

Marjani Institute of History,
Tatarstan Academy of Sciences
ORCID ID 0000-0002-9940-9097
Scopus ID 55968390600
bahetem@mail.ru

MUSLIM TATARS AND RUMORS DURING WORLD WAR I: GENDER AND RELIGIOUS STEREOTYPES

Keywords: Tatar literature, history of everyday life, Muslims of Russia, World War I, Pan-Islamism, Kazan province, political investigation, gendarme departments.

Abstract: The object of the study is rumors as a special phenomenon of Tatar everyday life. At the beginning of the 20th century the socio-political situation in the country was highly influenced by them. The study of the phenomenon of rumors in Tatar everyday life is focused on the documents of provincial gendarme departments on eve of and during the World War I. The article presents an overview of concepts of perceiving information by Tatars that come from different sources, the image of whisperer in Tatar literature and journalism. Author analyzed the role of informants of the gendarme authorities after the events of 1905-1907, as well as cases of specific rumors spread among Muslim Tatars during the World War I. In the documents of political investigation, they called as "letters from Mecca", due their religious content. These rumors were initiated by the German Information Service for the East to destabilize the situation in the Allies countries. The author concludes that external forces overestimated the religious fanaticism of Muslim Tatars and did not take into account the role of Tatar newspapers. In addition, in the Tatar culture of the early 20th century, rumors, along with negative connotations and gender stereotyping (female gossips), had a specific connection to interpersonal conflicts between men in the context of socio-political gendarme cases on "pan-Islamism".

To cite this article: Gabdrāfikova, Liliya. "Muslim Tatars and rumors during World War I: gender and religious stereotypes". In *Adam & Eve. Gender History Review*. № 32, 160–197. Moscow: IGH RAS, 2024. (in Russian). DOI: 10.32608/2307-8383-2023-31-169-197

Сплетни и слухи, по умолчанию, связываются с женским полом. Не является исключением и татарская культура конца XIX — начала XX вв. В художественной и публицистической литературе эпохи модерна появляются образы сплетниц. Вместе с тем, в повседневной жизни татарского сообщества этого периода носителями недостоверной информации выступали и представители мужского пола, которые сыграли ключевую роль в распространении «панисламизма» в Российской империи. Во время Первой мировой войны по всей стране самые разные слухи приобрели особое значение и в какой-то степени оказывали влияние на народные настроения¹.

В данной публикации мы рассматриваем слухи как особое явление татарской повседневной жизни начала XX в., оказавшее влияние на общественно-политическую ситуацию. В статье представлен обзор татарских понятий и образов, связанных с информацией разного происхождения, их развитие в условиях постреволюционной реакции после событий 1905-1907 гг. и так называемого «панисламизма», а также рассмотрен сюжет о специфических слухах среди татар-мусульман в годы Первой мировой войны.

Хотя столь эфемерное явление, как слухи, не всегда находит отражение в архивных материалах, но обывательские разговоры о борьбе христиан и мусульман как о сбывавшихся в условиях войны коранических предсказаниях были зафиксированы в Поволжье в 1915 г. Они получили некоторое освещение в научной литературе. Одними из первых обратили внимание на «случаи устной пропаганды «пораженческих» теорий» в Казани и Поволжье советские историки А. Аршаруни и Х. Габидуллин в очерках о панисламизме и пантюркизме

1 Аксенов. 2005; Колоницкий. 2017: 39-53.

в России, опубликованных в 1931 г. Несмотря на всю тенденциозность этого труда, авторы отмечали, что пропаганда не имела успеха и не привела к массовым выступлениям против «неверных»². Более конкретные указания на слухи среди татар-мусульман с привязкой к Мекке есть в публикациях А.А. Казанцева, Е.Ю. Семеновой, А.Х. Тухватуллина³. Все эти исследователи опирались, главным образом, на материалы Казанского губернского жандармского управления из Государственного архива Республики Татарстан.

В целом, нужно отметить, что документы жандармских управлений являются особым источником по изучению общественных настроений: аналитика органов политического сыска базировалась и на данных осведомителей, и на материалах местной печати. Хотя этот мир «мусульманства» конструировался служащими жандармерии невозможно отрицать и игнорировать такую репрезентацию. Между тем, какие-то выводы по архивным материалам можно делать только после ознакомления со всеми перипетиями жизни мусульманских сообществ и итогов разнообразных расследований. В этой связи заслуживают внимания работы Р.Р. Салихова, С.И. Бойко и В.Г. Соболева, где раскрываются любопытные детали работы органов политического сыска Поволжья⁴.

Сюжет о религиозных слухах среди татар-мусульман 1915 г. получил продолжение в трудах И.А. Гилязова и Л.Р. Гатауллиной. Исследователи привлекли дополнительные источники из немецких архивов и сумели проследить генезис слухов⁵. Пожалуй, эта разработка наиболее наглядно

2 Аршаруни. 2002: 99-100.

3 Казанцев. 2005: 167; Семенова. 2010: 85; Тухватуллин. 2013: 188.

4 Человек. 2016: 237-249; Бойко. 2010: 26-34; Соболев. 2017: 151-171.

5 Гилязов. 2014: 53-72; Гилязов. 2015: 310-321.

иллюстрирует тезис Э. Саида об истоках ориентализма: ориенталист выступает «агентом западной власти», а изучение Востока нужно для его подчинения⁶.

В нашем исследовании для анализа темы религиозных слухов впервые привлечены материалы из фондов Оренбургского губернского жандармского управления (Госархив Оренбургской области)⁷ и Казанского губернского комиссара (Госархив Республики Татарстан). Кроме того, оригинальной является и сама постановка научной проблемы о слухах в жизни и культуре татар начала XX века, а также о гендерной особенности данного вопроса.

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК, ФОЛЬКЛОР И АВТОРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XX В.

В татарском языке значение слова «слух» (“хəбәр”) имеет два значения — это как неформальная (неподтвержденная) информация, так и официальные сведения новостного характера. Кроме того, иногда неформальные сведения, циркулирующие среди масс, обозначаются как “сүз йөрөтү” (буквально «ношение слова»). Это словосочетание означает искаженную, субъективную передачу информации. Двойственное значение этих слов можно увидеть на примере солдатских писем, которые проходили через цензоров и переводились на русский язык. Иногда, при переводе текст надеялся другим смыслом. Например, 14 мая 1916 г. солдат 287-го Маршальского запасного батальона Хусаин пишет отцу Х. Халитову в Казань:

...Милый папа! Что пишут в газетах? Нет ли у Вас слуха о том, что наш государь заключит мир? Здесь о мире поговаривают⁸.

6 Саид. 2023:339-340.

7 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4.

8 Казанская губерния. 2014: 166.

Очевидно, в этом фрагменте, где говорится и о газетах и слухах, речь идет о новостях (“*хэбэр*”). Но цензор переводит это как «слух», а не как «весть», что добавляет совершенно иное звучание переводному тексту. Или другой пример из письма солдата 98-го пехотного запасного батальона Мухамед-Хафиза некому С. Хамитову в д. Кушар Мензелинского уезда Уфимской губернии, написанного тоже в 1916 г.:

Здесь ходит упорный слух, что скоро будет мир. Это доказывает и то, что пленных австрийцев вовнутрь России не отправляют, а держат здесь. И германцы тоже наших пленных солдат будто бы направляют в Варшаву. Мы думаем, что быть может нас в июне отправят домой⁹.

Здесь, очевидно, применяется выражение “*сүз йөри*” («ходит слух») и речь идет, действительно, о неподтвержденной информации.

Кроме того, в татарском языке есть слова, обозначающие такие понятия как сплетня, молва и небылица — “*имеш-мимеш*” и “*гайбэт*”. Если “*хэбэр*” и “*сүз йөрөтү*” как слухи не имеют ярко выраженной негативной коннотации, то эти слова применяются при характеристике резко отрицательных, нередко оценочных суждений. Устойчивыми татарскими выражениями являются “*гайбэт сату*” (буквально «продажа сплетен») и “*гайбэт чайнау*” (букв. «жевать сплетни»).

Распространение слухов, наряду с официальной информацией, часто обсуждалось в связи с газетами. Татарские периодические издания получили массовый характер только после 1905 года, до этого большинству журналистов не удавалось зарегистрировать свои издания. Иллюстрируя недоверчивое отношение широких слоев населения к газетной

9 Там же.

информации, писатель Г. Ибрагимов одному из своих литературных героев дал реплику с критикой таких изданий. Пожилой герой-мулла сравнивал сообщения из газет со «сплетнями мира» (“дөнъя гайбәте”)¹⁰. В этом эпизоде есть намек на конфронтацию разных сил: рупором молодой интеллигенции были газеты, а приверженцы старого порядка предпочитали решать свои вопросы, взаимодействуя с органами власти и используя такие инструменты как донос на оппонента. Например, в стихотворении “Гайбәт” («Сплетня»), написанном в 1911 г., поэт Сагит Сунчелей дает печальную оценку всему татарскому народу: *“Аурый бит гайбәт белән безнең татар”* («болеют сплетней наши татары»)¹¹.

В татарских художественных произведениях военного периода можно увидеть противопоставление по умолчанию достоверной информации из газет и сомнительных новостей-слухов. В одном из рассказов Гали Рахима есть реплика о том, что обыватели узнавали об объявлении Первой мировой войны не из газет, а благодаря молве (*“имеш-мимеш хәбәрләр”*), но тогда не все придали этим вестям особого значения. У этого же писателя есть стихотворение *“Гайбәт”*, где сплетня передана в образе сумасшедшего разноцветного теленка, за которым по улицам гоняется и стар, и млад, «есть и муллы в чалмах», «и татары, и сарты». После потери интереса к объекту погони, народ начинает требовать новую жертву¹².

Как в любой народной культуре, существует немало татарских пословиц с негативной оценкой сплетен и их носителей, советами не увлекаться такой информацией. Все эти образцы фольклора тоже зафиксированы на рубеже XIX-

10 Ибрагимов. 1956: 348.

11 Сунчелей. 2005: 62.

12 Гали Рахим. 2008: 333-334.

XX вв. Например, “*гайбәт дөнъя болгатыр*” («сплетня размешает мир»), “*гайбәт күмер кебек: көйдермәсә дә буйый*” («сплетня как уголь: не спалит, но испачкает»), “*гайбәтченең теле мең колач*” (“язык сплетника как тысяча обхватов”)¹³. Обращает на себя внимание, что здесь нет гендерной или другой маркировки. Речь идет об абстрактном носителе недостоверной информации. В целом, в татарском языке нет полового признака при обозначении любителя сплетен — это просто *гайбәтче*.

Однако в татарской авторской литературе начала XX в. носителем слухов и сплетен обозначались чаще всего женщины. Например, в рассказе Гаяза Исхаки “*Ул икеләнә иде*” («Он еще сомневался»), созданном в период Первой мировой войны (опубликован в декабре 1914 г. в газете «Иль» («Страна»)) есть предложение: “*Бәтен гайбәтче хатыннар, кызларның авызында сагыз кебек әүмәләнеп йөрисең*”¹⁴. Писатель сравнил героя-мужчину, осуждаемого обществом, со жвачкой, которая находится во рту у всех сплетниц. Таким образом для усиления образа подавленного общественным мнением героя выбраны женские образы. Агрессивные сплетницы встречаются и в известном романе “*Яшь йөрәкләр*” («Молодые сердца») Галимджана Ибрагимова, опубликованном впервые в 1912 г.¹⁵ Кроме гендерного различия, присутствует и возрастной маркер: со сплетнями ассоциировалась не просто женщина, но еще и немолодая особа. Например, фоновый образ “*гайбәтче карчык*” (старушка-сплетница) встречается в произведениях Г.Исхаки, Г. Ибрагимова и других татарских писателей. В

13 Татар. 1987: 443.

14 Исхакый. 1999: 326.

15 Ибраһимов. 1956: 304.

дальнейшем образ конкретизирован в постановках татарского театра 1910-х гг. Как правило, это были произведения, связанные с жизнью татарского купечества, где присутствовала вхожая в семью одинокая старушка.

Созвучие такому подходу можно найти и в татарской публицистике начала XX в. Например, работа татарского педагога из Вятской губернии — Габдуллы Буби «Хатыннар» («Женщины»), которую он завершил в 1916 г. Несмотря на то, что философский трактат остался неопубликованным, мысли автора, общественного деятеля, в какой-то степени отражают татарскую общественную мысль начала XX в. В этой работе можно увидеть стереотипную связку «женщина и сплетни». Г. Буби писал:

Если бы наши женщины не проводили свое время в бездействии, в пустословии, сплетнях и клевете, скандалах, а тратили хотя бы десятую часть этого времени на учебу, то их благовоспитанность была бы выше, чем у мужчин и от этого была бы большая польза для исламской нации¹⁶.

Тут надо пояснить, что в публичной сфере в данный период выстраивался другой женский образ — образованных девушек — будущих «матерей нации». Поэтому Г. Буби рассуждал о нуждах «исламской нации». Образованные девушки, они же «матери нации», конечно, не ассоциировались со старушками-сплетницами. Если первых в условиях модерна связывали с вестернизацией, то последние — с условным традиционным миром. Таким образом, понятие «сплетня» соотносилась с образом возрастного человека женского пола, далекого от современного варианта татарской культуры. Мать или супруга, а также сестра или дочь выводились за рамки образа сплетницы.

16 Бубий. 2013: 186.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РАБОТЕ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО
СЫСКА В НАЧАЛЕ XX В.

Если отложить художественные и публицистические тексты этой эпохи и взглянуть на делопроизводственные сводки, то увидим, что в повседневности татар начала XX в. встречались совершенно иные типажи. Проводником в этот мир служат материалы органов политического сыска Российской империи, служащие которых вели постоянные наблюдения за населением и пытались контролировать общественные настроения. Особенно активизировалась эта работа в начале XX в. Например, в 1906 г. в Казанском губернском жандармском управлении (ГЖУ) было увеличено число агентов наружного наблюдения (филеров). Начальник ведомства считал, что не хватает «хороших секретных агентов». Содержание каждого филера обходилось в 50 руб. в месяц¹⁷.

В жандармской практике Волго-Уральского региона в этот период помимо борьбы с революционной агитацией и хранением нелегальной литературы социалистского толка обозначился еще поиск «панисламизма». Эта работа началась на последнем этапе революции 1905-1907 гг., когда растущая консолидация татарского сообщества вокруг идей народного просвещения стала рассматриваться как противоправительственная деятельность. При этом, как отмечал в своем выступлении от 13 марта 1912 г. депутат Государственной думы от Казанской губернии Садри Максудов (Максуди), до 1908 г. он нигде не встречал слова «панисламизм»: «и вдруг после 1908 г. все миссионерские издания, все миссионерские журналы и т.д. начинают изобиловать статьями, корреспонденциями о панисламизме»¹⁸. Действи-

17 ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2273. Л. 8.

18 Мусульманские депутаты. 1998: 183.

тельно, органы власти начали создавать собственный «мир мусульманства». Например, в эти годы выходили разные периодические издания на русском языке («Мусульманин» (1910-1911), «В мире мусульманства» (1911), «Мир ислама» (1912-1914), которые всячески поддерживались властными структурами.

В этих условиях росло число информаторов ГЖУ, агентов рекрутировали и из среды самих татар-мусульман. Среди них можно выделить и представителей татарской молодежи, приверженцев марксистских идей, арестованных и попавших под надзор правоохранительных органов во время революции (например, М. Янбулатов, И. Бикчурин)¹⁹, и простых обывателей. Последние часто шли на эту работу из соображений материальной выгоды. Предоставляемая такими людьми недостоверная информация могла выглядеть откровенной клеветой. Этот сюжет довольно хорошо разработан в трудах историка Р.Р. Салихова. Например, он приводит историю осведомителя Казанского ГЖУ Абдуллы Галеева из Чистополя (кличка «Перс»), который в 1907-1908 гг. получал от властей денежное вознаграждение за свои фантастические рассказы. Ему платили 12 руб. в месяц²⁰. Т.е. здесь буквально реализовывалась татарская идиома "гайбэт сату", когда человек торговал недостоверной информацией.

Упомянутый выше Г. Буби тоже пострадал из-за клеветы о «панисламизме». Из-за доносов в 1911 г. было закрыто руководимое им мужское медресе в селе Иж-Бобья (Сарапульский уезд, Вятская губерния), которое считалось одним из успешных учебных заведений такого рода в Волго-Уральском регионе. Но, в результате судебного разбиратель-

19 Человек. 2016: 186.

20 Человек. 2016: 240-242.

ства, обвинения в «панисламизме» не подтвердились, а братьев Габдуллу и Губайдуллу Буби признали виновными в «хранении нелегальной литературы» и в распевании учениками их медресе Марсельезы, им присудили несколько месяцев тюремного заключения. В 1912 г. в этом населенном пункте закрылось и женское медресе. Дело братьев Буби стало наиболее громким судебным процессом тех лет, потрясшим все образованное татарское сообщество.

Зловещую роль в деле братьев Буби сыграл татарский мулла из Малмыжского уезда Вятской губернии Ишмухаммет Динмухаметов (1842-1919). Он был одним из самых активных доносителей в разных жандармских расследованиях. Несмотря на то, что мулла не имел отношения к суфийским практикам, с подачи молодых оппонентов его называли *ишан* или Ишми-ишан. Негативный образ этого религиозного служителя сложился еще в годы первой русской революции, в том числе из-за карикатур на него и едких подписей к ним в сатирическом татарском журнале «Ялт-Йолт» («Молния»). Поэт Габдулла Тукай посвятил И. Динмухаметову эпиграмму, где обыгрывалась тема доноса и денежного вознаграждения за такую деятельность²¹. «Спрос всегда рождает предложение, они расплодились как грибы после дождя», — рассуждал в 1912 г. о татарах-доносителях, «мелких агентах правительства и наших фанатиках», депутат С. Максудов²².

Пока в татарском сообществе предприниматели, духовные деятели и молодая интеллигенция конкурировали между собой (например, в рамках одной мусульманской общины или населенного пункта) представители

21 Тукай. 1985: 153.

22 Мусульманские депутаты. 1998: 192.

жандармских управлений искали в этом влияние третьих сил. Такая подозрительность властей была удобна некоторым участникам конфликта. «Муллы научились использовать в своих интересах эту озабоченность властей революцией и панисламизмом, — подчеркивает исследователь Р. Круз. — Многие выставляли своих врагов революционерами, обеспечивая полицию доносами...»²³.

Здесь стоит отметить, что взаимодействие власти в лице органов политического сыска Российской империи и «общества», представляемого в данном случае различными информантами, — это, за редким исключением, мужской мир. Объясняется это тем, что в публичном пространстве в тот период татарские женщины играли минимальную роль и чаще всего женский активизм (занятия благотворительностью, прохождение обучения, профессиональная деятельность в сфере образования, медицины, культуры, предпринимательство, публикации в прессе) сопровождался мужской поддержкой (отцов, братьев, мужей). Это было связано с традиционными установками мусульманской повседневности рубежа XIX–XX вв. Поэтому даже со стороны жандармских служащих отношение к татаркам-мусульманкам, подозреваемым в правонарушениях политического характера, было мягче. Например, очень небрежно выполнялись предписания о наблюдении полиции за политически «неблагонадежными» персонами. Показателен случай родной сестры чистопольского муллы Ибрагима Камалова — Шамсенисы Камаловой-Акчуриной, за которой в 1908 г. было установлено негласное наблюдение полиции²⁴. Однако уездный исправник в том же году просто забыл передать своему коллеге из дру-

23 Круз. 2020: 369.

24 ГА РТ. Ф. 199. Оп.2. Д.897. Л.14.

того уезда информацию о ней и обнаружил эту оплошность лишь 1913 г., когда с Ш. Камаловой-Акчуриной было официально снято то самое наблюдение полиции²⁵.

1913 год стал важным рубежом, который продемонстрировал противоречивое отношение имперских властей к собственным поданным — мусульманам. С одной стороны, в связи с 300-летним юбилеем Дома Романовых, были освобождены некоторые татары-мусульмане, подозреваемые ранее в «пан-исламизме» и других околореволюционных настроениях (среди них, например, брат упомянутой выше брат Шамсенисы — И. Камалов, а также писатель Гаяз Исхаки, которому после политической ссылки разрешили жить везде, кроме Казани).

С другой стороны, Балканские войны 1912-1913 гг. усилили подозрительное отношение к татарам-мусульманам. Это было связано с тем, что в татарских газетах активно обсуждался их ход и различные темы, связанные с ними, , внутренняя политика страны и т.д. Вместе с тем в татарской периодической печати нередко перепечатывались сообщения из русских газет, лишь некоторые редакции отправили в Стамбул собственных корреспондентов (например, Фатих Карими из оренбургской газеты «Вақыт» («Время»), Галиасгар Камал — «Юлдуз» («Звезда»)). Кроме того, в этот период собирались средства для Красного полумесяца. Газета «Кояш» («Солнце») объясняла увлеченность татар вопросами Балканской войны не только мусульманской, но и тюркской солидарностью: «мы, татары, естественно не можем сохранить хладнокровие, при каждом поражении турок наши сердца разрываются, мы сопереживаем их бедствиям и позору»²⁶.

25 ГА РТ. Ф.1. Оп.2. Д.290. Л.69-73.

26 Ахсанов. 2007: 181.

Примером такого соперевживания может быть случай с четырьмя татарками-студентками (Гульсум Камалова, Марьям Якубова, Рукия Юнусова, Марьям Паташева), которые в 1912 г. уехали из Петербурга в Стамбул, чтобы работать сестрами милосердия в госпитале Красного Полумесяца (тогда — Хилал Ахмер). Они провели там пять месяцев, и вернулись в начале 1913 г. Этот факт освещался разными татарскими газетами, были опубликованы снимки героинь и их собственные впечатления. Татарское журналистское сообщество сформировало тогда образ отважных и образованных татарок, значительно отличавшихся от своих единоверок, турчанок. Случай показателен тем, что, несмотря на широкое освещение в прессе, служение татарок в стамбульском госпитале не привлекло внимания сотрудников ГЖУ. Таким образом женский фактор не являлся составной частью представляемого властями и их информантами «мира мусульманства».

Хотя в 1913 г. продолжались жандармские расследования в Волго-Уральском регионе, а ряд татарских деятелей были привлечены к ответственности. Например, закрылась татарская газета «Идел» («Волга») в Астрахани, а её издателя муллу Абдурахмана Умерова выслали в начале 1914 г. в Казань. В конструируемом «мире мусульманства» 1908-1913 гг. особо подчеркивалась такая опасность как «панисламизм». Подозрения усилились в условиях войны России и Османской империи.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:

ШПИОНОМАНИЯ И РОЛЬ ПЕЧАТНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Изучение материалов, связанных с тыловой повседневностью Первой мировой войны, показывает, что в тревожное время общество особенно нуждалось в информации. В

образованной среде основным источником новостей продолжали служить газеты. Во время войны значительно выросли тиражи как русских, так и татарских газет. Например, в Казани газета «Юлдуз» в июле 1914 г. выходила тиражом 3900 экземпляров, в августе того же года её тираж составил 4600. Другая казанская газета «Кояш» вместо июльских 1700 экземпляров в октябре 1914 г. подняла тираж до 2600. Кроме того, татарские газеты в этот период стали ежедневными²⁷.

Помимо сведений из газет или от представителей власти, источником информации служили разговоры на улице, письма солдат и т.д. Газетные сообщения и народная молва тоже были связаны. Например, слухи генерировались, в том числе, из печатных новостей. Неслучайно и жандармские сводки, характеризующие общественные настроения татар-мусульман, опирались как на народную молву, так и на газетные сообщения.

В первые дни войны были отмечены различные подозрения относительно граждан враждебных государств: германцев, австрийцев. Между тем, такое отношение было смоделировано и отношением к ним представителей власти. Иностранцы были не только интернированы в особые места проживания, но и подвергались обыскам, у них изымали печатные издания и другое имущество. Циркулировали слухи о шпионских аэропланах в разных уголках России, в том числе на Урале²⁸. Были такие разговоры и в Поволжье, в Казанской губернии. Например, некоторые из них связывались с местными жителями, поданными Германии или Австро-Венгрии. Так в Казанском уезде под подозрение попал помещик, германский подданный О. Г. Гнадеберг. Его соседи-крестьяне

27 Габдрафикова. 2015: 201-202.

28 Колоницкий. 2017: 19.

распространяли слухи о том, что на его земельный участок прилетает ночью «какой-то змей». Такого рода слухи были следствием сообщений о полёте германских поданных над Россией в январе 1914 г. Тогда группа лиц на летательном аппарате пыталась провести наблюдения над промышленными объектами Приуралья²⁹.

Шпиономания, борьба с «немецким засильем» спала к середине войны. Помимо немцев наблюдалось предвзятое отношение и к евреям. Многие из них проживали в пограничных с боевыми действиями районах, и в письмах с фронта мелькали сообщения о шпионах-евреях. Информация таким образом «уходила» в народ.

Татар-мусульман связывали с другим враждебным лагерем — с Османской империей. Это было продолжением политики борьбы с «панисламизмом». После начала Первой мировой войны органы власти в какой-то мере находились в ожидании косвенных признаков солидарности татар с турками. На момент начала войны в Казанской губернии, например, находилось всего 28 османских поданных, которые практически сразу были интернированы. Местом выдворения для некоторых из них был назначен город Ветлуга Костромской губернии, высылали людей молодого возраста. Интересно, что среди «иностранцев» встречались и татары, уроженцы Казанской губернии. Так 68-летний житель Мамадышского уезда Ахмет-Мурад-Оглу в 1897 г. уехал в Стамбул (очевидно, из-за слухов о крещении татар на фоне мероприятий по Всероссийской переписи населения) и вернулся обратно 1907 г., но продолжал жить по документам Османской империи. С началом войны его взяли под полицейский надзор³⁰.

29 Валиди. 2014: 147.

30 Человек. 2017: 326.

Возможно, именно таких людей в различных жандармских справках определяли как «турецких эмиссаров», ведущих панисламистскую пропаганду. Уже в ходе войны в Казанской губернии старались не размещать османских военнопленных, их отправляли, в основном, в Иркутский военный округ, подалее от мест компактного проживания мусульманского населения.

Однако когда в ноябре 1914 г. османский султан (халиф) объявил священную войну мусульман (джихад), со стороны мусульман России не последовало на это какой-то особой реакции. Они продолжали проводить коллективные моления в мечетях в честь российского императора и его армии, собирали благотворительную помощь и организовывали работу медицинских учреждений (например, в ноябре 1914 г. в Казани торжественно открылся мусульманский госпиталь). Из-за отсутствие явных признаков панисламизма или пантюркизма, наблюдатели делали выводы о замкнутости и подозрительности самих татар-мусульман. Например, «они как будто еще больше замкнулись в себя, опасаясь, что малейшая со стороны отдельных личностей неосторожность может вызвать нежелательные для них последствия», — считал один из информантов казанской жандармерии в 1915 г., докладывая о настроениях местных татар³¹. Действительно, в это время были случаи, когда благотворительные сборы даже в пользу российской армии могли интерпретироваться как «сбор денег в пользу турок». Как отмечал в одной из своих статей в 1915 г. писатель и редактор московской газеты «Иль» Г. Исхаки, для некоторых людей это стало своеобразным «промыслом»: обвинение в сборе денег в пользу Османской империи стало распространенным способом для устра-

31 История Казани. 2004: 354.

нения конкурентов или же просто сведения старых счетов из-за межличностных конфликтов³².

В официальных справках российских органов политического сыска появлялась также информация и о том, что татары Казанской губернии «втайне сочувствуют немцам, которые являются союзниками турок, братьями по крови и вере наших поволжских мусульман». Исследовательница С.И. Бойко отмечает, что начальник Казанского ГЖУ, полковник К.И. Калинин в 1915 г. делал такие громкие заключения, опираясь на письма двух немцев, проживавших в деревнях Уфимской и Казанской губерний. В перехваченных военной цензурой письмах говорилось о том, что простые татары относятся хорошо и к авторам посланий, и к Германии³³.

Татарские периодические издания в это время находились под постоянным контролем цензоров, тем не менее, на их редакторов периодически поступали доносы в органы власти. Например, в конце 1914 г. анонимные доносители жаждали расправиться с писателем и редактором газеты «Кояш» Фатихом Амирханом, а также с его семьей. Младший брат литератора Ибрагим получил в этих записках ярлык активного «панисламиста». Правда, проверка анонимного сообщения служащими политического сыска не дала положительного результата, и они воздержались от высылки писателя-инвалида Ф. Амирхана и его брата за пределы Казанской губернии. Не остался не замеченным и другой журналист Фахрелислам Агеев, издатель детского журнала «Ак юл» («Светлый путь»), который тоже обвинялся в турецких симпатиях. В доме казанского муллы Галимджана Баруди (Галеева), редактора журнала «Дин ва аль-адаб» («Религия

32 Исхаки. 2008: 15.

33 Бойко. 2014: 32.

и нравственность»), вовсе прошли обыски, однако не было обнаружено ничего подозрительного³⁴. При этом известный религиозный деятель, руководитель медресе «Мухаммадия» уже был фигурантом судебного дела в 1908 г. и высылался в Вологодскую губернию, а полностью восстановил свои права лишь в 1913 г. В годы Первой мировой войны Г. Баруди активно участвовал в благотворительной деятельности в Казани: помогал в организации мусульманского госпиталя, обучал в своем учебном заведении детей беженцев-мусульман (польско-литовских татар) и т.д. Но его оппоненты продолжали писать на него доносы, как совершенно верно выразился Р. Круз, «мусульмане в своей повседневной жизни больше занимались борьбой друг с другом, чем с режимом»³⁵.

В таких непростых условиях среди широких слоев населения циркулировала информация самого разного характера. Между тем, чаще всего, она имела письменное происхождение. Даже сведения о военных действиях проходили любопытный цикл: официальные сводки из фронта — публикация в газете или другом издании — обсуждение информации в частных разговорах — пересказ полученных сведений в письмах, адресованных солдатам. Например, очень показательно письмо одной татарки, матери солдата Фасахетдина из д. Аю-Кудерган Тетюшского уезда Казанской губернии, написанное, судя по всему, в 1915 г. Письмо содержит разные сведения: помимо семейно-бытовых подробностей (здоровье родственников, получение социальных пособий, цены на продукты и т.д.), женщина сообщает сыну о фронтовых делах. По всей видимости, она пересказывает сведения, услы-

34 Семенова. 2010: 84-85.

35 Круз. 2020: 387.

шанные или прочитанные ею где-то. Так мать солдата пишет сыну на фронт, что «войска нашего падишаха очень умелые», а «Австрия ослабла, очень сдала», но «Германия самая злая». Кроме того, женщина описывает в письме оружие противника — «непробиваемый пушечными ядрами» «германский автомобиль ранил наши войска» — и добавляет, что «наши войска отчаянные», поэтому «разгадали секрет» той машины. Автор письма периодически подчеркивает вторичность передаваемой информации словами «имеш» («якобы»), «дилэр» («говорят»)³⁶.

Откуда у сельской жительницы, немолодой татарки, которая могла бы олицетворять литературный образ «старушки-сплетницы», сведения об оружии противника и «умелом падишахе» (российском императоре)? Здесь мы видим, что поколение татарских женщин, родившихся в пореформенное время и учившихся в женских мектебах (школах) на рубеже XIX-XX вв., уже было относительно грамотным и получало информацию из различных татарских печатных изданий. В отличие от литературных образов начала XX в., реальных женщин интересовали не только вопросы частного характера. Это прослеживается и по содержанию единственного татарского женского журнала «Сююмбике», который начал издаваться в Казани накануне войны супругами Якубом Халили и Асьмой Шафигуллиной. Помимо «женских» сюжетов (дом и семья, ведение хозяйства, вопросы воспитания и образования, литература) в журнале уделялось внимание и вопросам, связанным с войной³⁷.

Ориентиром для некоторых читателей могли быть и различные татарские брошюры, выпущенные по горячим следам.

36 Сәлахова. 2016: 191.

37 Сююмбике. 1916: 32

Например, в 1915 г. в казанском издательстве «Магариф» вышла книга «Сугыш» («Война»), подготовленная Гильмутдином Шарафом. В богато иллюстрированном издании содержалась разноплановая информация о странах Антанты и Тройственного союза, в том числе о видах применяемого на фронте оружия, о благотворительной деятельности в пользу российской армии (например, было уделено большое внимание Мусульманскому госпиталю в Казани) и т.д. Несомненно, издание было рассчитано на коммерческий успех, т.к. больше одной трети книги занимали рекламные предложения различных татарских фирм³⁸. Конечно, в продажу поступали и другие аналогичные издания о войне, рассчитанные на массовый успех.

Оригинальным народным жанром были байты о войне (песни), которые слагали разные авторы. Прежде всего, байты сочиняли сами солдаты. Они имели сходную форму: начинались с описания неожиданной мобилизации, расставания с родными и завершались трудностями фронтового быта. Через такие персональные, но, тем не менее, стандартизированные, песни-истории, очевидно, формировывалось сочувственное отношение населения к войне. Иначе военная цензура не допускала бы татарские байты к печати: всего за 1914-1916 гг. только в Казани и Уфе было издано пять книг с песнями о войне. Их тираж варьировался от 3 до 6 тысяч экземпляров, а три из пяти книг были переизданы несколько раз. Безусловно, байты и другие такие народные брошюры (так публиковались даже солдатские письма) были очень специфической репрезентацией войны³⁹. Такая подача информации устраивала далеко не всех. Например, в 1916 г. Самарское губернское земское управление получило следующее прошение от жите-

38 Шараф. 1915.

39 Габдрафикова. 2015: 122-123.

лей большого татарского села Байряка Бугульминского уезда Самарской губернии. Они просили земство открыть им библиотеку-читальню, чтобы иметь возможность читать русские и татарские газеты. В прошении говорилось, что грамотное население нуждается в достоверной информации о войне, ибо «лубочная литература, продаваемая на местном рынке, покупаемая по баснословным ценам, не может удовлетворить запросов читателей». Просители подчеркивали, что из-за отсутствия оперативной информации в народе распространяются самые нелепые слухи о фронте⁴⁰.

«Письма из Мекки» или слухи в жандармских материалах

В конце 1914-го — в начале 1915-го гг. жандармскими органами были зафиксированы довольно специфические слухи среди мусульман Поволжья. В материалах ГЖУ они получили условное название «письма из Мекки», т.к. распространялись не только устно, но и в письменном виде. Слухи отсылали к религиозным текстам, к Корану, напоминали о судном дне, об усилении роли ислама в мире и т.д. Данные слухи не имели четкой локализации. Дело в том, что ГЖУ постоянно обменивались различными секретными сообщениями между собой по «мусульманскому вопросу», поэтому подозрительную информацию они передавали друг другу. Казанское ГЖУ предупреждало оренбургское, с ними вступало в переписку самарское жандармское управление и т.д. Конечно, прежде всего, жандармы связывали религиозные слухи с Казанской губернией. Но это объяснялось и тем, что агентурная сеть жандармерии, в силу многочисленности татарского населения в крае, была развита в Казани сильнее⁴¹.

40 Новое время. 1916. 31 августа.

41 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.166.

29 января 1915 г. в делопроизводственных материалах Оренбургского ГЖУ было зафиксировано сообщение от коллеги из Казани. Ссылаясь на казанского губернатора, он сообщал о том, что «среди местного мусульманского населения распространяются присланные из Медины письма содержания которых сводится к тому, что будто бы какой-то «муджабир» («угодник Божий») на могиле пророка услышал его голос, предупреждающий мусульман, что начавшийся по мусульманскому счислению новый 1333 год будет выдающим в жизни мусульманского мира, т.к. предстоит гибель всем «гяурам» и плохим мусульманам». Письма эти заканчивались с требованием сделать копии с них и распространять дальше⁴². В другом источнике говорилось, что на могиле пророка Мухаммеда побывал некий турецкий военачальник, и он тоже услышал от него предсказание⁴³.

Суры из Корана интерпретировались в довольно вольной форме. В другой вариации «письма из Мекки» предупреждали, что «одному из угодников пророка» явился сам пророк Мухаммед и рассказал, что «в 1915 году появился антихрист (Даджаль), а в 1916 году — произойдет много грозных событий». Угодник призывал всех мусульман к покаянию⁴⁴.

Слухи указывали на приближающийся конец света и объясняли военное положение тем, что «перед окончанием мира между исламом и христианством будет великая война». При этом «в помощь исламу явится христианский царь, который примет мусульманство и победит в этой войне»⁴⁵.

42 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.140.

43 Казанцев. 2005: 167.

44 Тухватуллин. 2013: 88.

45 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.166.

В различных вариациях данных слухов, помимо религиозных образов, имелись еще рассказы о действиях, связанных с лагерем противника. Например, в конце апреля 1915 г. казанская жандармерия зафиксировала слухи, распространяемые неким торговцем сырьем из Самары. Он говорил о том, что все кавказские мусульмане присягнули к султану, как ставленнику пророка, «борющемуся в настоящей войне за целостность ислама, и всячески содействует победе турок над врагами». Кроме того, слухи сообщали, что мусульманские солдаты Кавказской армии «тоже присягнули не стрелять в турок и стараются попадать к ним в плен». Обращение казанского ГЖУ с этим вопросом в 1915 г. в Самару не дало никакого результата, т.е. слух тогда был зафиксирован только в Казани. Жандармы опасались, что «эти разговоры» могут оказать влияние на солдат-татар и среди них найдутся «малодушные люди»⁴⁶.

Между тем, в 1916 г. было развернуто большое жандармское расследование, в ходе которого пытались найти связь татарских купцов с османскими военнопленными. В рамках этого дела 9 февраля 1916 г. был арестован, а потом освобожден самарский предприниматель (торговец фруктами) Саттар Маннафов. Тогда в его магазине обнаружили военнопленного офицера Хаджи Ахмеда, который читал татарскую газету «Кояш», в ожидании обмена османских денег на российские. Кроме того, обыски прошли у татарских купцов Казанской, Уфимской и Иркутской губерний. Предпринимателей обвиняли в оказании содействия побегу османских военнопленных, но не удалось доказать их вину⁴⁷.

46 История Казани. 2004: 356.

47 Габдрафикова. 2015: 220.

Очевидно, ориентируясь на такие жандармские дела, советские исследователи А. Аршаруни и Х. Габидуллин в 1930-е гг. утверждали, что «в Поволжье, в Казани наблюдались случаи устной пропаганды «пораженческих» теорий и даже попыток распространять воззвания, призывающие мусульман «пробудиться ото сна, пока есть время и случай». Они же писали, что такие идеи безуспешно распространяли «мелкобуржуазные интеллигенты»⁴⁸.

В 1916 г. слухи, в том числе в письменном виде, продолжали циркулировать по Казанской губернии. В ноябре того года Атнинское волостное правление Казанского уезда получило анонимное письмо, адресованное всем мусульманским священнослужителям — муллам. «Хазраты, скоро будет светопреставление, объявите народу». Вскрытое письмо было передано земскому начальнику⁴⁹.

Были и другие письма с религиозным подтекстом. Например, зафиксировано письмо следующего содержания:

Господин мулла. Русские воюют с Турцией и разбивают их войска, скоро турецкое государство уничтожено будет, и вот весной Вас всех будут крестить, приготовляйтесь, как окончат войну и солдаты воротятся, так будут ездить по Вашим деревням с монахами, на мечети повесят колокола и поставят кресты, а Вас мулл сделают попами. Доброжелатель.

Образец этого письма попал к казанскому губернатору. Исследователь В.Г. Соболев утверждает, что и оригинал был на русском языке и поэтому предполагает, что письмо было составлено «православным русским как откровенное издевательство или с угрозой»⁵⁰. На наш взгляд данное письмо написано не просто как «издевательство или угроза», а ли-

48 Аршаруни. 2002: С.99-100.

49 ГА РТ. Ф.1246. Оп. 1. Д.165. Л.30.

50 Соболев. 2017: 160.

цами пацифистских, т.е. левых взглядов, выбравшими стандартный способ воздействия на мулл — через их религиозные чувства и боязнь принудительной христианизации.

Наконец, в конце 1916 г. появился циркуляр Департамента полиции МВД о распространении среди сельского населения «различных вздорных слухов». Источниками такой информации, по мнению представителей органов власти, выступали не только возвращающиеся домой солдаты, но революционеры, ведущие «злонамеренную деятельность» с целью «подорвать престиж правительственной власти» и создания благоприятной почвы «для дальнейшей преступной пропаганды». Циркуляр был доведен до органов власти и Волго-Уральского региона⁵¹.

Как в материалах ГЖУ о слухах с «письмами из Мекки», так и в анонимных записках псевдорелигиозного содержания фигурировали лишь представители мужского пола. «Письма» даже были адресованы к хазратам (мусульманским религиозным служителям). В целом, в расследованиях о «панисламизме» жандармские служащие не придавали значения татаркам-мусульманкам, т.к., очевидно, не наделяли их субъектностью. Кроме того, женщины не фигурировали в анонимных доносах и материалах тайных агентов ГЖУ. В практике органов власти «мусульманство» было олицетворением патриархального уклада. Анонимные записки, отсылающие к Корану, очевидно, тоже придерживались этой же логики.

ГЕРМАНСКИЙ СЛЕД «ПИСЕМ ИЗ МЕККИ»

Объявленный османским султаном «джихад» был частью стратегической программы Германии, автором которой считают немецкого востоковеда и дипломата Макса фон Оп-

51. Башкирия. 2014: 212.

пенхайма. В октябре 1914 г. он направил в германский МИД документ «Революционизация исламских областей наших врагов». Такие идеи вынашивались и ранее. В перспективе предлагалось создание специальной Службы информации по Востоку (Nachrichtenstelle für den Orient), которое должно было заниматься распространением «правдоподобных восточных новостей, призывов и пр., приспособленных к психологии восточных народов»⁵². В документе М. фон Оппенхайма отмечалось, что европейские мусульмане России «в большей части развиты духовно» и в пропагандистской работе нужно «использовать прессу и прежде всего духовные школы в мусульманских центрах Европейской России, особенно в Казани, Оренбурге и Уфе»⁵³.

Появившиеся в Поволжье специфические слухи среди татар тоже были частью этой стратегии. В мусульманской среде, в том числе в России, проводилась планомерная работа немецких агентов по созданию положительного имиджа кайзера Вильгельма. Для этого использовались такие общественные пространства как мечети и базары, а в Российской империи данная работа проводилась и с помощью «писем из Мекки». Поэтому совсем неудивительно, что в некоторых вариациях слухов фигурировал и добрый царь-христианин, помогавший мусульманам или же вовсе тайно принявший ислам. Ему же прочили победу в войне между исламом и христианством⁵⁴. Как нетрудно догадаться, в роли царя-христианина выступал германский кайзер, а его союзничество с османским султаном понималось как «помощь исламу». Некоторые утверждали, что он выбран Аллахом для

52 Гилязов. 2014: 24-26.

53 Там же. С.28.

54 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.166.

освобождения правоверных от власти неверных; говорили также о том, что принявший ислам Вильгельм тайно совершил паломничество в Мекку и его нужно называть теперь Хаджи Вильгельм Мухаммад. «Имели даже место слухи о том, что все население Германии последовало примеру своего кайзера и в массовом порядке переходит в ислам», — отмечает историк, исследователь этого вопроса И.А. Гилязов⁵⁵.

В разных вариациях этих слухов неопитами-мусульманами представлялись германские военнослужащие. Так оренбургская жандармерия сообщала о том, что в некоторых кавказских мусульманских газетах, якобы, написано о немецких инструкторах в Турции, принявших ислам. Там же, якобы, были и изображения немецких офицеров вместе с турецкими муллами, напечатанные в одной из бакинских газет⁵⁶. По всей видимости, эта дезинформация была подкреплена сообщениями о пропагандистских лагерях для военнопленных-мусульман на территории Германии и Австро-Венгрии, где удовлетворялись религиозные и этнокультурные потребности содержащихся. Такие лагеря появились лишь в начале 1915 г. В их организации были задействованы и немецкие офицеры, а конечной целью особых лагерей было создание коллаборационных отрядов.

В 1916 г. стало понятно, что германская стратегия с «джихадом» не имела особого успеха и тогда появилась альтернатива — «Лига нерусских народов России». Организация, созданная в марте того года в Швейцарии и финансируемая Германией, тоже вела работу по «революционизирова-

55 Гилязов. 2015: 312-313.

56 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.174.

нию», но акцент был смещен на «право наций на самоопределение»⁵⁷.

Судя по всему, и «письма из Мекки» не имели широкого успеха у татарского населения. Представители интеллигенции прекрасно понимали абсурдность слухов о царехристианине, принявшем ислам. Поэтому такого рода сплетни высмеивались в татарских газетах. Например, в 1915 г. газета «Вақыт» опубликовала серию анекдотических утверждений: «супруга императора-мусульманина и супруги генералов немецкого штаба летом посетят Стамбул...», «...население Бельгии тоже приняло мусульманство...»⁵⁸.

Догадывались ли татары-мусульмане о германской стратегии во время Первой мировой войны? Любопытная публикация 1916 г. в женском журнале «Сююмбике» говорит о том, что эта пропагандистская работа не была секретом для читающей публики. Статья «Двойственное отношение Германии к исламу» появилась после взятия в том же году британской армией города-порта Дар-эс-Салам — германской колонии в Танзании. Неизвестный автор рассуждал о войне и мусульманах, о союзе Германии и османской Турции, и подводил читателей к германским «циркулярам» в Дар-эс-Саламе. Ссылаясь на действия колониальной администрации в этом мусульманском городе, автор пытался подчеркнуть, что Германия на самом деле ищет везде свою выгоду и лишь представляется защитницей ислама⁵⁹. Для нас важно и то, что статья такого рода появилась в журнале «Сююмбике» и адресована, прежде всего, женщинам.

57 Гилязов. 2014: 280.

58 ГАОО. Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.174.

59 Сююмбике. 1916: 32.

Любопытно, что к 1917 г. слухи о европейских монархах-мусульманах трансформировались в сплетни о российском императоре Николае II, который тоже готов стать мусульманином, «но мешают приближенные». Об этом сообщал епископ Андрей в письме от 20 февраля 1917 г. Пользуясь такими слухами, источником которых он считал татар-мусульман, религиозный деятель предлагал выпускать «патриотические» Кораны с надписью о том, что они изданы на царские средства. По его мнению, такие издания станут «прекрасной иллюстрацией» слухов об императоре-мусульманине⁶⁰. О царе в это время по всей империи, как известно, гуляли самые разные слухи⁶¹. В этих условиях молва о его мусульманстве была, по всей вероятности, самой безобидной и характеризовала, в какой-то степени, лояльность части татарского населения к его персоне.

Выводы

Таким образом, в татарской повседневности и художественной литературе начала XX в. «сплетня» (“гайбэт”) наряду с обычной негативной коннотацией в бытовом ключе и гендерной стереотипизацией (сплетницы-женщины) имела еще конкретную привязку к общественно-политическим жандармским делам о так называемом «пан-исламизме». При этом татарки-мусульманки выводились за рамки представляемого органами власти и их информантами «мира мусульманства», т.к. в логике патриархальных представлений они не наделялись ими субъектностью. Поэтому женщины практически не фигурировали в жандармских расследованиях.

60 Исхаков. 2004: 115.

61 Колоницкий. 2017: 39-45.

Зафиксированные среди мусульман Волго-Уральского региона жандармскими органами власти специфические слухи 1915-1917 гг. тоже были связаны, прежде всего, с мужчинами. Носителями недостоверной информации выступали либо религиозные служители, либо торговцы. Слухи доходили и в письменном виде. Так называемые «письма из Мекки» и другие сообщения с религиозным подтекстом адресовались, как правило, муллам. Все это объяснялось и довоенной спецификой жандармских дел о «панисламизме» в России, где ключевые конфликты разворачивались внутри мусульманских общин, между деятелями религиозного культа и народного просвещения.

Но обозначенные религиозные слухи в среде татар-мусульман периода Первой мировой войны были спровоцированы внешними силами искусственным образом и с определенными целями — это была часть стратегии германского Министерства иностранных дел и особой организации при ней Службы информации по Востоку для дестабилизации внутренней обстановки в странах Антанты. Изучение данного исторического сюжета показывает, что внешними силами был переоценен религиозный фанатизм татар-мусульман периода Первой мировой войны, не были учтены опыт довоенных жандармских расследований и степень вестернизации татарской интеллигенции, которая ориентировалась в большей степени не на мистические тексты, а на собственный прагматизм.

«Турецкий» фон использовался внутри России и самими мусульманами, в том числе для решения межличностных конфликтов. Это создавало атмосферу общего недоверия и, конечно, мешало консолидации общества в трудных условиях войны.

Хотя в слухах фигурировали, как источник информации и некие «газеты», татарская периодическая печать остава-

лась во время Первой мировой войны каналом официальной информации, демонстрировала патриотизм и полную лояльность органам власти. Публикация, призывающая критично оценивать декларируемую лояльность Германии к мусульманам, появилась даже в единственном татарском женском журнале той поры «Сююмбике». В целом татарская журналистика начала XX в. формировала образ просвещенного сообщества, где особое место отводилось и образованным женщинам («матерям нации»), далеким от сплетен.

Список источников и литературы

Аксенов. 2005 — Аксенов В.Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. С.163-200.

Аршаруни. 2002 — Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Казань: Иман, 2002.

Ахсанов. 2007 — Ахсанов К.Г. Балканская война 1912-1913 гг. и татарская общественно-политическая мысль // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2007. Т.149, кн. 4. С.177-185.

Башкирия. 2014 — Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914-1918: сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов и др. Уфа: Китап, 2014.

Бубый. 2003 — Бубый Г. Хатыннар. Яр Чаллы: «Ислам нуры», 2013.

Бойко. 2014 — Бойко С.И. Казанское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны: о некоторых новых направлениях деятельности // Запад-Восток. 2014. №7. С.26-34.

Валиди. 2014 — Валиди Т., Рафикова Г. «Русские» немцы в Казани в годы Первой мировой войны: неизбежность трагедии // Гасырлар авазы. 2014. №1/2. С.143-147.

Габдрафикова. 2015 — Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914-1918). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015.

Гали Рэхим. 2008 — Гали Рэхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик җыентык. Казан: Жыен, 2008.

Гилязов. 2014 — Гилязов И.А., Гатауллина Л.Р. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны (1914-1920). Казань: Татарское книжное издательство, 2014.

Гилязов. 2015 — Гилязов И.А. "Священная война — джихад" как инструмент военно-политической стратегии Германии в годы Первой мировой войны // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие, перспективы изучения. Сборник статей международной конференции. Казань, 2015. С.310-321.

Ибраһимов. 1956 — Ибраһимов Г. Яшь йөрәкләр. Казан: Таткнигоиздат, 1956.

История Казани. 2004 — История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амирханова. Казань: Магариф, 2004.

Исхаков. 2004 — Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М. «Социально-политическая мысль», 2004.

Исхакый. 1999 — Исхакый Г. Әсәрләр. Т.2. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1999.

Исхакый. 2008 — Исхаки Г. Әсәрләр. Т.7. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2008.

Казанская губерния. 2014 — Казанская губерния в годы Первой мировой войны. Сборник документов и материалов / под ред. Д.И. Ибрагимова. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2014.

Казанцев. 2005 — Казанцев А.А. Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005.

Колоницкий. 2017 — Колоницкий Б. #17: Семнадцать очерков по истории Российской революции. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

Круз. 2020 — Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Мусульманские депутаты. 1998 — Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1906-1917 гг.: сборник документов и материалов / сост. Л.А. Ямаева. Уфа: Китап, 1998.

Саид. 2023 — Саид Э. Ориентализм. М.: Музей современного искусства Гараж, 2023.

Сәлахова. 2016 — Сәлахова Э.К. “Каләм әйтә тагы берәз язасы, китә төшсен солдатларның мазасы (Беренче Бөтендөнья сугышы чоры хатлары) // Гасырлар авазы. 2016. №3-4. С.186-197.

Семенова. 2010 — Семенова Е.Ю. «Мусульманский вопрос» как составляющая мировоззрения городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны // Клио. 2010. №3 (50). С.83-86.

Сүнчәләй. 2005 — Сүнчәләй С. Әсәрләр һәм хатлар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2005.

Соболев. 2017 — Соболев В.Г. «Мусульманский вопрос» в Российской империи накануне революционных событий 1917 года // Февральская революция: история и современность. Материалы конференции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С.151-171.

Сююмбике. 1916 — Сююмбике. 1916. №2.

Татар. 1987 — Татар халык ижаты. Мөкальләр һәм әйтемләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1987.

Тукай. 1985 — Тукай Г. Әсәрләр. 2 том. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1985.

Тухватуллин. 2013 — Тухватуллин А.Х. Настроения татарского населения города Казани в начале Первой мировой войны // Дискуссия. 2013. №9 (39). С.187-190.

Человек. 2016 — Человек в революции: Казанская губерния. Т.1. 1905–1907 гг. / под ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016.

Человек. 2017 — Человек в революции: Казанская губерния. Т.2. 1917 г. / под ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017.

Шәраф. 1915 — Шәраф Г. Сугыш. Казан: Магариф, 1915.

REFERENCES

Aksenov, Vladislav. "Rumors and Fears among the Populase of Petrograd and Moscow in 1917". In *Social History*. 2004, 163-200. Moscow: Russian political encyclopedia, 2005. (In Russian)

Arsharuni, Arshaluis. Gabidullin, Hadji. *Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia*. Kazan: Iman, 2002. (In Russian)

Akhsanov, Kamil. "Balkan war 1912–1913 and Tatar social political thought". *Kazan University Notes. Humanitarian Sciences Series* 149, 4 (2007): 177-185. (In Russian)

Boyko, Sofia. "The Kazan`s Gendarmerie during the First World War: some of the new directions of activity". *West-East* 7 (2014): 26-34. (In Russian)

Validi, Tagir. Rafikova, Gulnara. "'Russian' German Population of Kazan province during the World War I". In *Echo of centuries*, 1/2 (2014): 143-147 (In Russian)

Gabdrafikova, Liliya. Abdullin, Khalim. *Tatars during the World War I (1914-1918)*. Kazan: Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2015. (In Russian)

Gilyazov, Iskander. Gataullina, Leila. *Russian Muslim soldiers in the German captivity during the World War I (1914-1920)*. Kazan: Tatar Book Publishing House, 2014. (In Russian)

Gilyazov, Iskander. "'Holy War and Jihad" as a part of Military and Political Strategy of Germany during the World War I". In *The Turkic-Muslim World: Identity, Heritage, Study perspective. Collection of articles from the international conference*, edited by Dilyara Usmanova et al.: 310-321. Kazan: Kazan University Publishing House, 2015. (In Russian)

Iskhakov, Salavat. *Russian Muslims and the Revolution (Spring 1917 – Summer 1918)*. Moscow: "Socio-Political Thought", 2004. (In Russian)

Kazantsev, Alexey. *Dynamics of mass sentiments in the Russian provinces during the World War I: on the example of the Penza, Samara and Simbirsk provinces, manuscript of the dissertation of a candidate of historical sciences*. Penza, 2005. (In Russian)

Kolonitsky, Boris. #17: *Seventeen sketches on the History of Russian Revolution*. St. Petersburg: EUSP Press, 2017. (In Russian)

Crews, Robert D. *For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Harvard University Press, 2006.

Said, Edward W. *Orientalism*. Knopf Doubleday Publishing Group, 1994.

Salakhova, Elmira. "'The pen says, a little more to write, let the soldier's anxiety be taken away" (letters from the First World War period)". In *Echo of centuries* 3-4 (2016): 186-197. (In Tatar)

Semenova, Ekaterina. "The Muslim Question" as a Component of the Worldview of the Urban Population of the Volga Region During World War I". *Clio* 50, 3 (2010): 83-86. (In Russian)

Sobolev, Vladislav. "'The Muslim Question" in the Russian Empire on the Eve of the Revolutionary Events of 1917". In *The February Revolution: History and Modernity. Conference Proceedings*, 151-171. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2017. (In Russian)

Tukhvatullin, Airat. "The mood of the Tatar population of the city of Kazan at the beginning of the World War I". *Discussion* 39, 9 (2013): 187-190. (In Russian)

Gabdrfikova, Liliya et al, ed. *Man in the Revolution: Kazan Province*. Vol. 1. 1905–1907. Kazan: Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 2016. (In Russian)

Gabdrfikova, Liliya et al, ed. *Man in the Revolution: Kazan Province*. Vol. 2. 1917. Kazan: Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 2017. (In Russian)